

Диана Уинн Джонс

ХОДЯЧИЙ ЗАМОК

Санкт-Петербург

Два слова для Стивена

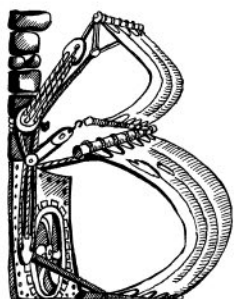
Идею этой книги мне подсказал один мальчик, когда я пришла к нему в школу на встречу с читателями. Он попросил меня написать книгу под названием «Ходячий замок».

Я записала его имя и фамилию и спрятала бумажку в таком надежном месте, что с тех пор мне ее нипочем не найти.

Я бы хотела от всей души его поблагодарить.

Глава первая,

в которой Софи беседует со шляпками

В стране Ингрии, где взаправду существуют диковины вроде семимильных сапог и шапок-невидимок, родиться старшим из троих детей — изрядное невезение. Каждому понятно, что, если все трое отправятся на поиски счастья, именно тебя первого ждет провал — и провал самый что ни на есть сокрушительный.

Софи Хаттер была старшей из трех сестер. И ладно бы она родилась в семье бедного дровосека — это сулило бы хоть какую-то надежду на успех. Напротив, родители Софи были люди вполне обеспеченные и держали лавку дамских шляпок в процветающем городке под названием Маркет-Чиппинг. Правда, родная мама Софи умерла, когда ма-

лышке было два, а ее сестренке Летти — всего-то годик, и тогда отец женился на младшей продавщице, прехорошенькой блондинке по имени Фанни. Очень скоро Фанни родила третью сестру — Марту. Это должно было превратить Софи и Летти в Злых Старших Сестриц, — само собой, страшных дурнушек, — но на самом деле все три девочки выросли очень даже симпатичные, хотя никто не сомневался, что самой красивой была все-таки Летти. Фанни одинаково нежно относилась ко всем трем девочкам и не выделяла Марту ничем и никогда.

Мистер Хаттер гордился своими дочками и отправил их в лучшую школу в городе. Софи оказалась самой прилежной. Она очень много читала и довольно скоро выяснила, как мало у нее шансов на интересное будущее. Для Софи это стало большим разочарованием, однако и такой жизнью она была вполне довольна — приглядывала за сестренками и готовила Марту к достойной встрече счастливой судьбы: ведь она-то знала, что эта встреча непременно грядет. Поскольку Фанни постоянно была занята в лавке, Софи приходилось все время присматривать за младшими. А младшие частенько ссорились и даже таскали друг друга

за волосы. Летти вовсе не собиралась мириться с грозящей ей неудачей — ведь было ясно, что и ее вслед за Софи ждет сокрушительный провал.

— Это нечестно! — кричала она. — Ну и что, что Марта — младшая? Разве она из-за этого лучше нас? Вот возьму и выйду за принца, тогда узнаете!

В ответ Марта раздраженно фыркала, что уж она-то сумеет несказанно разбогатеть безо всякого принца. И Софи приходилось их растаскивать и чинить им платица. С иглой она управлялась очень ловко. Скоро она уже сама обшивала сестер. На прошлый Майский праздник, незадолго до начала нашей истории, Софи сшила для Летти темно-розовый наряд, про который Фанни сказала, что он прямо как из самого дорогого магазина в Кингсбери.

Примерно тогда же снова пошли разговоры про Болотную Ведьму. Рассказывали, будто Ведьма грозилась убить дочь короля и будто король велел своему придворному магу, кудеснику Салиману, отправиться на Болота и разобраться с Ведьмой. И судя по всему, кудесник Салиман не то что с Ведьмой не разобрался, но и вовсе погиб от ее руки.

Поэтому, когда через несколько месяцев на холмах близ Маркет-Чиппинга внезапно объявился высокий черный замок, изрыгая из четырех высоких тонких башен облака черного дыма, все были уверены, что это Ведьма снова снялась с Болот и теперь будет терроризировать всю округу, как она уже делала лет этак пятьдесят назад. В Маркет-Чиппинге и вправду перепугались. Никто не выходил из дому один, особенно по ночам. Страшнее всего было то, что замок не стоял на месте. Иногда он черным пятном маячил на торфяниках на северо-западе, иногда нависал над скалами на востоке, а иногда спускался с холмов и сидел среди вереска прямо за последней к северу фермой. Иногда было даже видно, как он движется, а из башен так и валят грязнющие черные клубы дыма. Некоторое время все думали, что того и гляди замок спустится прямо в Долину, и мэр начал поговаривать о том, что надо бы послать к королю за подмогой.

Но замок продолжал бродить в холмах, и вот стало известно, что на самом деле Болотная Ведьма тут совсем ни при чем: замок принадлежит вовсе не ей, а чародею Хоулу. Хоул был очень злой чародей. Хотя он пока

вроде бы не собирался покидать холмы, все знали, что излюбленная его забава — похищать юных девушек и высасывать из них души. А некоторые говорили, будто он пожирает их сердца. Он был самый что ни на есть бессердечный и бессовестный чародей: стоило ему застать девушку врасплох — и ей конец. Софи, Летти и Марте, как и всем другим девушкам в Маркет-Чиппинге, было строго-настрого запрещено выходить за порог в одиночку, что их ужасно злило. Вот интересно, посмеивались они, для чего это чародею Хоулу нужно столько похищенных душ.

Однако вскоре их стало занимать совсем другое, потому что мистер Хаттер умер, как раз когда Софи готовилась навсегда распрощаться со школой. Тут-то и оказалось, что мистер Хаттер основательно погорячился, гордясь своими дочками. Из-за школьных счетов лавка была по самую крышу в долгах. После похорон Фанни села в гостиной — их дом был соседний с лавкой — и разъяснила дочкам положение вещей.

— Боюсь, из школы вас придется забрать, — печально объявила она. — Я тут все подсчитала — и как ни верти, хоть сверху вниз, хоть слева направо, все равно выходит,

что, если я хочу и дела вести, и вас как следует пристроить, придется отдать вас в подмастерья в хорошие места. Оставить вас, всех трех, при лавке непрактично. Это мне не по средствам. И вот что я решила. Сначала Летти...

Летти подняла глаза, так и лучась красотой и здоровьем, которых не могли скрыть ни горе, ни траурное платье.

— Я бы хотела учиться дальше, — сказала она.

— И будешь, ласточка, — заверила ее Фанни. — Я договорилась так, что тебя возьмут в ученицы в кондитерскую Цезари на Рыночной площади. Всем известно, что с подмастерьями они обращаются по-королевски, так что тебе там будет очень хорошо, да и ремесло это полезное. Миссис Цезари — отличная покупательница и добрый друг, и она согласилась сделать мне одолжение и взять тебя.

Летти рассмеялась — так, что тут же стало ясно: ничутьки она не рада.

— Что ж, спасибо, — хмыкнула она. — Хорошо еще, что я люблю готовить.

Фанни вздохнула с облегчением. Иногда Летти бывала просто ужасно несговорчивой.

— Теперь Марта, — продолжала она. — Я понимаю, что для работы ты еще мала,

поэтому долго думала, как бы устроить тебя так, чтобы ты училась подольше и поспокойнее и чтобы потом это тебе обязательно пригодилось, чем бы ты ни решила заняться. Помнишь мою школьную подружку Аннабель Ферфакс?

Марта, тоненькая и белокурая, уставилась на Фанни большими серыми глазами почти так же несговорчиво, как Летти.

— Это та, которая все время трещит? — уточнила она. — Разве она не ведьма?

— Да, у нее еще премиленький домик и куча клиентов по всей Подгорной Лоцине, — поспешно закивала Фанни. — Она очень добрая женщина, Марта. Она научит тебя всему, что знает, и скорее всего познакомит со своими влиятельными друзьями из Кингсбери. Ты будешь устроена наилучшим образом!

— Да, она ничего, — неохотно согласилась Марта. — Хорошо.

А Софи, слушая этот разговор, думала, что Фанни сделала все в точности как надо. Летти, средней сестре, ничего особенного в жизни не светило, вот Фанни и определила ее туда, где она скорее всего повстречает симпатичного молодого приказчика, выйдет за него замуж и будет жить долго и счастливо.

Марте, обреченной на успешные поиски счастья, очень пригодятся и влиятельные друзья, и умение колдовать. А что касалось самой Софи — так сама Софи в своем будущем не сомневалась. Так что она вовсе не удивилась, когда Фанни сказала:

— Милая Софи, будет только справедливо, если ты унаследуешь лавку, когда я уйду на покой, — ведь ты старшая. Поэтому я решила, что сама возьму тебя в ученицы и дам возможность досконально изучить наше ремесло. Ну как это тебе?

Не то чтобы Софи казалось, будто она рождена для шляпного дела, но тем не менее она горячо поблагодарила Фанни.

— Ну вот, все и улажено! — обрадовалась Фанни.

На следующий день Софи помогла Марте уложить платья в коробку, и наутро все они провожали телегу возчика, на которой сидела будущая ведьма — маленькая, прямая, перепуганная. Ведь путь к Подгорной Лощине, где жила миссис Ферфакс, лежал через холмы, как раз мимо Ходячего замка чародея Хоула. Еще бы Марте не бояться.

— Все будет хорошо, — сказала Летти. От помощи в укладке вещей она отказалась, и когда телега возчика скрылась из виду,

Летти просто затолкала все свои пожитки в наволочку и заплатила шесть пенсов соседскому мальчишке, чтобы он откатил их в тачке в кондитерскую миссис Цезари на Рыночной площади.

Летти шагала за тачкой, и вид у нее был куда бодрее, чем ожидала Софи. По правде сказать, казалось, что Летти даже рада отряхнуть со своих ног прах шляпной лавки.

Мальчишка вернулся от Летти с корявой запиской, где говорилось, что она сгрузила свои платья в общей девичьей спальне и что у Цезари ах как весело. Неделю спустя возчик привез письмо от Марты, где сообщалось, что Марта благополучно добралась до места и что миссис Ферфакс «просто прелесть и во все снадобья кладет мед. У нее пчелы». А потом Софи довольно долго ничего о сестрах не слышала, поскольку в день, когда уехали Марта и Летти, началось и ее собственное обучение.

Само собой разумеется, в шляпном ремесле Софи разбиралась уже неплохо. Еще совсем крошкой она постоянно носилась по двору, где вымачивали заготовки и натягивали их на болванки, а из воска и шелка делали цветы, фрукты и прочие украшения. Она знала всех, кто там работал. Многие из

них служили в лавке еще с тех пор, как ее папа был мальчиком. Она знала Бесси, единственную оставшуюся продавщицу. Она знала покупательниц, выбиравших шляпки, и возчика, который привозил из деревни шляпы из сырой соломки — потом их сушили на болванках в сарае. Она знала всех остальных поставщиков и как делают фетр для зимних шляп. Фанни уже почти ничему не надо было ее учить — разве что наилучшим способам уговорить покупательницу приобрести шляпку.

— Даму надо подводить к нужной шляпке потихоньку, ласточка, — говорила Фанни. — Сначала покажи те, что не очень-то ей идут, — тогда она сразу почувствует, в чем разница, когда примерит нужную.

Вообще-то Софи не очень часто приходилось продавать шляпки. После того как она пару дней провела в мастерской, а потом вместе с Фанни побывала в магазине тканей и у торговца шелком, Фанни посадила ее украшать шляпки. Софи сидела в нише в задней комнате лавки, пришивая розочки к чепчикам и вуалетки к велюру, притачивая шелковые подкладки и выкладывая изящные букеты из тряпичных цветов, лент и восковых ягод. У нее отлично получалось.

Ей это очень нравилось. Но понемногу Софи становилось одиноко и немножко скучно. С теми, кто работал в мастерской, оказалось не больно-то весело: они были староваты и к тому же обращались к ней как к человеку несколько постороннему и вообще будущей хозяйке. Бесси держалась с ней так же. Эта Бесси и говорить-то была способна только о фермере, за которого собиралась замуж через неделю после Майского праздника. Софи немного завидовала Фанни, которая в любую минуту могла упорхнуть из лавки к торговцу шелком.

Интереснее всего было слушать разговоры покупательниц. Ведь никак невозможно купить шляпку и при этом не посплетничать. Софи сидела в своей нише, проворно орудуя иглой, и слушала, что мэр терпеть не может зелень, что замок чародея Хоула опять переместился в холмы и что неужели этот негодяй и правда... И шу-шу-шу, и шу-шу-шу... Едва разговор заходил про чародея Хоула, голоса неизменно понижались, но Софи все равно поняла, что месяц назад он поймал-таки в долине одну девушку. «Синяя борода!» — шептали покупательницы и снова начинали говорить в полный голос — опять эта дурочка Джейн

Ферье невесть что учинила со своей прической. Вот уж на кого чародей Хоул никогда глаз не положит, не говоря уже о порядочных мужчинах. А потом — тихонечко, боязливо — добавляли пару слов о Болотной Ведьме. Софи начинало казаться, что между чародеем Хоулом и Болотной Ведьмой есть какая-то связь.

— Похоже, они просто созданы друг для друга. Вот бы кто-нибудь их просватал, — говорила она той шляпке, которая была у нее в работе.

Однако к концу месяца сплетничали в лавке уже исключительно о Летти. Судя по всему, в кондитерской Цезари день и ночь толпились разные господа, и каждый из них закупал целые горы пирожных, требуя, чтобы обслуживала его именно Летти. Ей сделали десять предложений руки и сердца, разнившихся по калибру от сына мэра до парнишки-подметальщика, и она всем отказала, заявив, что еще слишком молода и неопытна и ничего не может решить.

— Что ж, с ее стороны это разумно, — сказала Софи чепчику, к которому как раз пришивала плюющую оборку.

Фанни подобным новостям очень радовалась.

— Уж у кого-кого, а у нее-то наверняка все сложится наилучшим образом! — радостно восклицала она. Софи вдруг подумала, как Фанни, должно быть, рада тому, что Летти здесь больше нет.

— Летти бы очень вредила торговле, — объяснила Софи чепчику, украшая его шелковыми лентами розовато-серого, как сыроежка, оттенка. — Она бы даже в тебе, старушечка-дурнушечка, была писаной красавицей. Другие дамы глядели бы на нее и огорчались.

Шли недели, и Софи все чаще и чаще беседовала со шляпками. Больше ей не с кем было говорить. Фанни почти целыми днями пропадала по делам или стояла за прилавком, стараясь подхлестнуть торговлю, а Бесси хлопотала, как пчелка, и лезла ко всем подряд со своими предсвадебными мечтами. У Софи появилась привычка, закончив шляпку, надевать ее на болванку, так что получалась как будто бы голова без тела, а потом для разнообразия рассказывать шляпке, на ком она будет красоваться. Софи немного льстила шляпкам, ведь и покупательницам тоже нужно льстить.

— У вас такой загадочный вид, — говорила она вуалетке с еле заметными блестками. — Вы выйдете замуж за настоящего богача! — обещала она широкополой кремовой шляпе с пышным букетом под полями. А ядовито-салатную соломенную шляпку с кудрявым зеленым пером уверяла: — Вы свежи, как майская роза!

Софи рассказывала розовым чепчикам, как они пикантны и обаятельны, а модным бархатным шляпам — как они остроумны и необычны. Она нашла слова утешения и для того самого плоеного чепчика с сыроежечными лентами.

— У тебя золотое сердце, — сказала ему Софи. — И однажды стра-а-а-ашно знатная персона — граф или герцог — разглядит это и полюбит тебя!

Софи было жалко этот чепчик. Очень уж он вышел нелепый и незатейливый.

На следующий день в лавку зашла Джейн Ферье и купила сыроежечный чепчик. Прическа у нее действительно странновата, думала Софи, украдкой выглянув из своей ниши, — вид такой, будто Джейн накрутила волосы на кочергу. Зря она выбрала именно этот чепчик, бедняжка. Однако в те дни всем вдруг понадобились новые шляпки. То ли Фанни так здорово умела уговаривать, то ли весна настала, но дела в лавке определенно шли в гору.

— Зря я поторопилась и отослала Летти и Марту, — немного виновато говорила Фанни. — При таком наплыве покупателей без них трудновато управиться.

Кончался апрель, приближался Майский праздник, Софи надела скромное серое платье и тоже встала за прилавок. Однако спрос был такой, что в каждую свободную минутку ей приходилось убегать в нишу и украшать новые шляпки, а по вечерам она брала работу домой и при свете лампы сидела до

поздней ночи, пришивая розы и оборки, чтобы было что продавать завтра. Большой популярностью пользовались ядовито-салатные шляпки вроде той, которую купила себе супруга мэра, а также розовые чепчики. А за неделю до Майского праздника одна из покупательниц потребовала себе чепчик с сыроежечными лентами, в точности такой, какой был на Джейн Ферье, когда она повстречала графа Каттеракского.

Тем вечером, орудуя иглой, Софи призналась себе, что жизнь у нее скучновата. Она перестала разговаривать со шляпками и вместо этого примеряла их все перед зеркалом. Зря она это делала. Строгое серое платье совсем не шло Софи, особенно когда глаза у нее краснели от работы, а поскольку волосы у нее были золотисто-рыжие, ей не подходили ни ядовито-салатные, ни розовые тона. А сыроежечные оборки делали из нее настоящее чучело.

— Прямо старая дева! — ахнула Софи. Не то чтобы ей так уж нравилась мысль бегать за графами, как Джейн Ферье, или морочить головы половине города, чтобы потом разбивать сердца, как Летти. Однако ей хотелось что-то сделать — не важно что, только пусть оно будет хоть капельку инте-

реснее, чем украшать шляпки. И вот Софи решила на следующий день выкроить часок и сбегать поболтать с Летти.

Но ей это не удалось. То ли времени не хватило, то ли сил, то ли Софи вдруг показалось, будто Рыночная площадь лежит за семью морями, то ли она вспомнила, что одной выходить из дому нельзя из-за чародея Хоула, — так или иначе, с каждым днем собраться повидать сестру становилось все труднее и труднее. Это было очень странно. Софи всегда думала, что у нее такая же сильная воля, как и у Летти. А теперь оказалось, что кое-что она способна сделать только тогда, когда нет другого выхода.

— Чушь какая! — сказала себе Софи. — Рыночная площадь отсюда в двух кварталах! И если бегом... — И она твердо постановила, что сходит к Цезари, когда лавка закроется на Майский праздник.

Между тем до лавки дошли новые слухи. Говорили, будто король повздорил со своим братом принцем Джастином и принц отправился в изгнание. Из-за чего они поссорились, было неизвестно, только принц и вправду месяца два назад проезжал через Маркет-Чиппинг инкогнито, и никто его не узнал. Граф Каттеракский, оказывается, при-

был сюда по приказу короля, чтобы отыскать принца, а вместо этого повстречал Джейн Ферье. Софи слушала и грустила. Вечно все интересное случается с другими. Но повидать Летти ей все равно хотелось.

Настал Майский праздник. С самого рассвета на улицах началось веселье. Фанни ушла рано, а Софи еще надо было доделать пару шляпок. За работой она пела. В конце концов, Летти сейчас тоже работает. По праздникам кондитерская Цезари открыта до полуночи.

Куплю себе их знаменитое сливочное пирожное, решила Софи. Тысячу лет не ела пирожных. Она глядела на толпившихся за окном гуляк в ярких нарядах, лоточников с безделушками, акробатов на ходулях, и ей и вправду стало весело.

Но когда Софи наконец набросила на серое платье серую шаль и вышла на улицу, хорошее настроение у нее как корова языком слизнула. Софи совсем растерялась. Кругом бурлила толпа, стоял хохот и крик, было невыносимо шумно и страшно тесно. Софи показалось, будто несколько месяцев сидения и шитья превратили ее в старуху или калекку. Она куталась в шаль и жалась поближе к домам, чтобы ей не оттоптали ноги парад-

ными туфлями и не затолкали локтями в разлетающихся хвостатых шелковых рукавах. Когда откуда-то сверху раздался громовой залп, Софи чуть в обморок не упала. Она подняла голову и увидела замок Хоула: он высился на холме у самого города, так близко, словно взгромоздился прямо на печные трубы. Из всех четырех башен замка хлестало голубое пламя — его языки взлетали в небо и там взрывались, и это было очень страшно. По всей видимости, Майский праздник был чародею Хоулу не по нраву. Или, наоборот, ему хотелось поучаствовать — на свой манер. Софи было все равно — так она перепугалась. Если бы она не прошла уже половину пути до Цезари, то вернулась бы домой. И Софи бросилась бежать.

С чего только я вбила себе в голову, будто жизнь должна быть интересной, спрашивала она себя на бегу. Я же такая трусиха! А все потому, что я старшая!

На Рыночной площади стало еще хуже — насколько это вообще было возможно. На площади располагалось большинство увеселительных заведений. Молодые люди расхаживали по ней с пивным чванством, взметывая плащами и длинными рукавами, притопывая башмаками с пряжками, которые

в будний день им бы и в голову не пришло надеть, громогласно отпуская шуточки и приставая к девушкам. Девушки чинно гуляли парочками, ожидая, когда к ним наконец пристанут. Майский праздник шел своим чередом, но Софи и это испугало. И когда молодой человек в невероятном костюме, голубом с серебром, заметил Софи и решил пристать и к ней, та метнулась к дверям какой-то лавки и попыталась спрятаться.

Молодой человек в недоумении вздернул бровь.

— Не бойся, серая мышка, — сказал он и усмехнулся, с жалостью глядя на нее. — Хотел угостить тебя стаканчиком. Ну что ты так перепугалась?

От его жалости Софи сделалось ужасно стыдно. К тому же молодой человек был совершенно потрясающий: с узким, умудренным жизнью лицом — Софи он показался очень взрослым, сильно за двадцать, — и волосами изысканного белокурого оттенка. Хвосты рукавов у него были самые длинные на площади, все фестончатые и с серебряными вставками.

— Ах, спасибо, сэр, вы очень любезны, — проямлила Софи. — Я... я иду навестить сестру.